

УДК 4.106

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО НЕПОЛНОЦЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В ФИНСКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ*

Е. В. Логинова

*Кафедра финского языка и литературы
факультета прибалтийско-финской филологии и культуры
Петрозаводского государственного университета*

В статье осуществляется поиск мотивов вторичной образной номинации для комплекса лексем, обозначающих умственно неполноценного человека в финских диалектах.

Ключевые слова: вторичная образная номинация; метафора; мотивационный признак; антинорма.

E. V. Loginova. FORMATION OF THE LINGUISTIC IMAGE OF A PERSON WITH LEARNING DIFFICULTIES IN FINNISH DIALECTS

This article deals with patterns of secondary nomination in Finnish dialect words denoting persons with learning difficulties.

Key words: secondary nomination; metaphor; types of semantic motivation; antinorm.

В последние годы в лексикологии быстро развивается этнолингвистическое направление исследований, которое на первом этапе рассматривалось как особый раздел языкознания, ориентированный на изучение связей языковых данных и фактов народной культуры. В дальнейшем, однако, этнолингвистика стала характеризоваться как уже вполне сложившаяся самостоятельная дисциплина, которая имеет общий для разных гуманитарных наук объект изучения – народную культуру [Виноградова, Толстая, 1995. С. 35].

* Статья подготовлена в рамках проекта по созданию междисциплинарного научно-образовательного Центра прибалтийско-финских исследований «Fennika» (Программа стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.).

Этнолингвистические исследования направлены на выявление закономерностей кодирования этнокультурной информации средствами языка. Человек воспринимает и осознает окружающую действительность органами чувств, создает свою систему представлений о мире, иначе говоря, между языком и миром стоит мышление носителя каждого языка. Вследствие исторического развития этноса и языка складывается т. н. картина мира, которая выступает своего рода отражением национально-го представления о внеязыковой действительности, системе ценностей. Этнолингвистика же через анализ языка изучает эту картину – как логику осмысления мира, осуществляя тем самым выход на культуру, в том числе ее национальную специфику.

В предложенной работе, основываясь на принципах этнолингвистического анализа, предпринимается попытка описания фрагмента финской языковой картины мира через анализ языкового образа дурака. Материалом для анализа служат полисемантические финские диалектные слова, получившие в ходе своего развития отрицательную интеллектуальную семантику. Материал собран из многотомного словаря финских диалектов [SMS], картотеки Словаря финских говоров [SMSK], а также из толкового словаря современного финского языка [NS].

Лексика, отражающая свойства человеческой личности, формируется в значительной степени за счет вторичной образной номинации. В процессе вторичной номинации сознание носителя языка находит точное сравнение, удачную метафору, выбор которой укладывается в языковую традицию и логику носителя языка. В каждом языке встречаются как оригинальные, характерные лишь для данной культуры мотивы, лежащие в основе метафорической номинации для тех или иных человеческих качеств, так и универсальные идеи, присутствующие во многих культурах. Так, в большинстве европейских языков в качестве метафоры для глупца может быть выбрано название какого-либо животного, чаще это баран или бык; широко применимы т. н. «обувные» метафоры – всевозможные сапоги и ботинки; известны также «деревянные» и «гастрономические» метафоры. В ходе выделения подобных сфер отождествления или предметно-тематических кодов выясняется способ выражения признака и устанавливается уровень внешней мотивации. В свою очередь, на более глубоком уровне – внутренней мотивации – выявляется причина выбора носителем языка той или иной метафоры, т. е. мотив номинации.

Такая система анализа семантики предложена на славянском материале Е. Л. Березович, которая отмечает, что «наибольшую степень обобщенности имеют мотивационные доминанты – предельно абстрактные идеи, объединяющие все элементы какого-либо семантического поля. Мотивационные доминанты опираются на сквозные мотивы. Эти интерпретаторы смысла обладают более развернутым содержанием, радиус их действия охватывает не все пространство поля, а несколько лексико-фразеологических групп» [Березович, 2007. С. 33].

В финском языке в числе наиболее продуктивных сквозных мотивов, актуализованных в образной номинации лексико-семантической зоны «Глупость» поля «Интеллект человека», выступает мотив рыхлости, мягкости, аморфности.

Обратимся для начала к бытующим в литературном языке лексемам *löysä/löyhä*, которые характеризуют объект как неплотный, рыхлый, расслабленный, незакрепленный, бесформенный [Ruppila, 1955]. Диалектные данные дополняют эту информацию такими выражениями и сочетаниями, где слова *löysä/löyhä* называют неплотно связанную вещь, рыхлую почву, жидкое тесто, недавно выпавший, неслежавшийся снег, а также пустую болтовню, лень, человеческую глупость:

*Kyl tämmöst löysää leipää on hyvä syövä** – такой мягкий хлеб приятно есть;

Se on hiukan päästä löysä – он немного слаб на голову.

Иначе говоря, слово с первичным значением 'мягкий, рыхлый', призванное характеризовать конкретные объекты, используется также для названия абстрактного явления – человеческой глупости. Метафора делает абстрактное легче воспринимаемым, не случайно поэтому один из магистральных путей метафорического переноса – от конкретного к абстрактному, от материального к духовному [Метафора..., 1988. С. 12].

Далее предложен ряд лексем, получивших в ходе своего развития отрицательную интеллектуальную семантику благодаря воплощению мотива мягкости, рыхлости. Обычно это слова, называющие различные неплотные по консистенции вещества – мягкое масло, рыхлая земля, старые, размягченные корнеплоды и т. п. Особого внимания заслуживает большое количество лексем, обозначающих разные виды снега: *auhto/hauhto*, *hohelo*, *hohka/hohko*, *hupa/hupakka/hupakko*, *hupsakka/hupsakko*, *höhelö/höherö*, *höhhö*, *höhkä/höhkö*, *hölmö*, *höyhkä/höyhtä*, *höyhtänä/höyhtö*, *höykkö*, *tohelo*, *tohmero*, *töhmerö* и пр.

Ниже приведены примеры употребления в речи лишь некоторых из них.

Auhto/hauhto 'мягкий, непрочный, рыхлый снег или земля'/'слабоумный человек':

Lumi on nii hauhtoo ku ei oo suojaanna – снег очень рыхлый, не выдержит;

Kyllä se on semmone aohtopeä, ei se muistam mittää – он такой дурень, ничего не помнит.

Hohelo рыхлый, рассыпчатый снег/хрупкий, ломкий лед/мягкий корнеплод/невнимательный человек, чудака, слабоумный:

Pehmeät hohelot toi nauris, kun se on niin äkistek kasvannu – вялая эта репа, раз так быстро выросла;

Se hohelo uskoo kaekki, mitä toenev valehtelloo – этот простофиля во все верит, что ему врут.

* Все примеры собраны из словаря финских народных говоров [SMS].

Hohka, hohko рыхлый снег, лед/корнеплод, утративший со временем свежесть и сочность, ставший вялым/о глупом или рассеянном человеке:

Jää haurastuu hohkaksi – лед становится рыхлым;

Sum pääs on niinko hohkaantunu nauris – твоя голова как вялая репа;

Sinä nyt vasta hohko likka olet kun et ymmärrä rikasta miestä ottaa – ты совсем какая-то недотёпа, раз не сообразишь богатого мужа заполучить.

Hupsakka, hupsakko рыхлый снег/масло/некрепкий кофе/чудак, дуралей:

Voe, voe ku tiä kahvi tul nyt semmosta hupsakkata – ой, это не кофе, а какая-то бурда;

Kylläs tua hupsakan tunnen – знаю я этого дурня.

Акт номинации всегда мотивирован пониманием значимости и безошибочного восприятия взятого за основу предмета или явления внеязыковой действительности. Функционирующий в языке мотив ориентирует номинатора на выбор правильного образа. Не менее продуктивным образом, чем снег, является чересчур мягкое масло, в одних случаях это не успевшее уплотниться, только что приготовленное, в других же – растаявшее, «летнее» масло. Указанными значениями обладают лексемы *hupelo, höppä, höppänä, höppö, höppörö, höperö/höpperö, höpelö, hötö, höttänä, hössäks, hössänä, hössäkkä, hössä* и некоторые их производные.

Höppä, höppänä, höppö 'легкий снег'/'мягкое вещество, напр. только что взбитое масло'/'что-л. хрупкое'/'слабоумный человек'. Производные от этой основы также отмечают неадекватную голову, а именно – *höppänyys* 'непонимание', 'плохая память', 'запутанность мыслей', *höppäraihen* 'слабоумный', *höppärä, höppärö*, обозначают 'дурного, придурковатого человека', а глагол *höppänöidä* 'дурачиться, придуриваться':

Tämä voi on vielä ihah höppö – это масло еще очень мягкое;

Höppö se oli, ei kehannu työtä tehdä ollenkhaan – он-то, дурак, не хотел никакой работы делать.

Отдельного внимания заслуживают следующие единицы изучаемой лексико-семантической группы – *hössäkkä, röherö, röperö, röpperö, möhlä*. Все они обладают отрицательной интеллектуальной семантикой, используются в качестве названий снега, однако их особенность заключается в том, что виды обозначаемого ими снега разнятся до прямо противоположных:

Pöherö – с одной стороны, 'мокрый липкий снег, оттепельный снег; влажный, но еще не мокрый снег', с другой, 'сухой, рыхлый, рассып-

чатый снег', а также 'неплотное масло, распадающееся на составляющие'/'дурак', 'глупец':

Pöherölumi tarttuu suksen pohjaan – мокрый снег липнет к лыжам;

Kuiva lumi sei pöheröö, ei pöherössä jaksa kauan tallustella – рыхлый снег, по такому не сможешь долго тащиться;

Se on niin pöherö ettei se huomaa mittään asiaa ku sille puhuu – такой дурак, ничего не сообщает, что ему говорят.

Примерно такой же расклад представлен в значениях лексемы *röperö/röpperö*, которая используется в финских говорах для обозначения как мягкого рассыпчатого снега, так и прилипающего, мокрого снега; называет как чересчур сухое тесто для печенья, так и слишком густое. Одновременно полисемантическое слово бытует в значении 'тупица, рассеянный человек':

Ei tammosella pöpperöllä viissi mihinkää lähtä – по такому мягкому снегу не пойдем никуда;

On pöpperö kävellä – tarttuva lumi haittana kävellessä – липкий снег мешает идти;

Mie nyt non pöperö no en muista mittiä – я-то, дурень, ничего не помню.

Очевидно, языковой образ медленно обрабатываемого человека в данном случае возникает из ситуации неудобства, заторможенности передвижения по свежес выпавшему или оттепельному, липкому снегу. Чтобы донести до него мысль, приходится приложить определенные усилия, преодолеть сопротивление с его стороны. Примечательно, что полисемия данных слов включает еще одно значение – тесто. При этом, как и с характеристикой снега, называемое тесто может быть чересчур жидким или же, наоборот, плотным, крутым. Очевидно, здесь, на «уменьшенной модели», т. е. на уровне слова наблюдается давление идеи антинормы, которая реализуется во всем масштабе лексико-семантического поля «Интеллект человека», провоцируя приобретение отрицательной интеллектуальной семантики словами, содержащими сему «полярные проявления признака». Носитель языка маркирует значимые для него крайние проявления признака и переносит в процессе номинирования на абстрактно мыслимые объекты. На данном конкретном примере можно убедиться, что полярные характеристики «легкий, морозный/липкий оттепельный снег» или «жидкое/плотное тесто» заслуживают внимания номинатора, тогда как умеренное проявление считается нормой и остается без специального наименования. Используя терминологию, предложенную Е. Л. Березович, можно сказать, что сквозной мотив аморфности, мягкости входит в мотивационную доминанту антинормы [Березович, 2007. С. 150].

Выше были предложены к рассмотрению некоторые версии происхождения метафор в адрес глупца. В качестве мотива для метафорического переноса выступает идея рыхлости, мягкости, аморфности, которая послужила основанием для сравнения некоторых особенностей характера и интеллекта человека с рыхлым снегом, маслом, тестом, старой репой и пр. Свойственная перечисленным составам податливость, бесформенность, рыхлость, аморфность при смысловом переносе характеризует человека как вялого, слабого, халтурно выполняющего свою работу и интеллектуально неактивного или неполноценного. Не могла не сыграть свою роль также коннотация «негодный» в случае сопоставления со старым корнеплодом, растаявшим маслом, неудавшимся тестом.

Обращает на себя внимание большое, по сравнению с русским языком, количество образных номинаций, имеющих в своей основе обозначение снега. Здесь важно подчеркнуть, что оценка человеческого интеллекта дается через посредство обыденных, но значимых для носителя традиционной финской культуры внеязыковых реалий: снег, качество и структура которого менялись в зависимости от погодных условий и времени года; масло, которое взбивалось и хранилось в домашних условиях; репа, становившаяся от хранения мягкой. «Метафору питают обыденные, а не научные знания. Она создается при опоре на знания носителя языка о предметах, полученных естественным путем» [Берестнев, 2002. С. 25].

Изучаемый ряд метафор глупости, развившихся на основе слов, первично обозначающих какую-либо неплотную консистенцию, может быть продолжен полисемантическими лексемами, известными в тех же значениях, дополнительно включающими характеристики чего-либо пористого или хрупкого. Таковы, к примеру *hapera / hapero / haperi, hasero, höttelö / hötterö, haplakka / haplakko / huplakko, kohelo / koheli, kohmo / kohmu*.

Для перевода прилагательного *hapera* современный финско-русский словарь предлагает значения 'хрупкий, ломкий, непрочный'; по данным диалектных словарей, им может быть охарактеризован хрупкий лед, негустое тесто, трухлявая древесина, затвердевшее на морозе крупинками масло, а также странноватое поведение человека и отсутствие ума. Как, на каком основании развилась именно такая полисемия? Ниже предложены примеры, демонстрирующие употребление слова в указанных значениях:

Kevväinej jää on nih haperaa – весенний лед такой хрупкий

O nii hapera ko leppäne seeväs – ломкий, как ольховый кол

Haperaa on kun Tommin järki – слабый, как Томмин ум

Oleks ny hapera, kuinga sä keskel arkeepäivää ställää juhlaatteet päälläs! – что ли ты слабоумный, раз в будний день бродишь в праздничной одежде!

В приведенных случаях развитие семантики глупости на основе первичных значений лексемы *hapera* происходит благодаря актуализации одного из наиболее распространенных сквозных мотивов образной номинации – *непрочность*.

В. Руоппила, анализируя именованья умственно неполноценного человека в финских говорах, также обращал свое внимание на эту устойчивую связь первичного значения неплотности или хрупкости с наименованиями глупцов. Автор высказывает мнение, что, очевидно, своим поведением дурак вызывает ассоциации с каким-то отрицательно оцениваемым предметом окружающей действительности. Так, плотно сотканная материя, туго завязанный узел, крепко связанный веник оцениваются позитивно, соответственно противоположные качества – неплотность и расслабленность – видятся основой, пригодной для появления метафоры в адрес неудовлетворительных умственных способностей [Ruppila, 1955. S. 155].

Способность одного слова выступать характеристикой столь разных объектов может выглядеть нелогичной, особенно в русских переводах финских диалектных выражений, где одним прилагательным обозначаются свойства реалий от теста или масла до ветхой постройки. Однако с учетом того, что в основе развития отрицательной интеллектуальной семантики у приведенных выше слов лежит идея антинормы, все предложенные здесь случаи воплощают коннотацию «негодный, плохой», которая оказывается стержневой для развития семантики 'глупый'. Это хорошо прослеживается на примере лексем *kohelo/koheli, kohma/kohmu*.

В качестве первичных значений приведенные слова также характеризуют какие-либо рыхлые, ломкие и хрупкие объекты (наст, хрупкий весенний лед и т. д.). Однако все они могут указывать и на что-то негодное и неудовлетворительное, например, старые камни в банной печи, пустые, не представляющие ценности зерна, неровности и складки на ткани при шитье. Очевидно, именно в этом направлении происходит сдвиг в семантике. Такая же 'негодность, неудовлетворительность' характеризует неуклюжего, иногда медлительного и глупого человека.

Ei siittä (kiuaskivistä) *saam mimmostakal löylyä sitte enään ko se semmoseks koheliks tulle ko vesi läpitem mennee* – от таких камней пару не будет, так как они раскрошились и вода проходит сквозь них

Отра minulla semmonen kohelo elämä – такая уж у меня тяжелая (букв. 'разбитая') жизнь

Ko itte on kohmo ni luulee että kaikki muut on kohmoja – если сам дурак, думает, что все такие же.

Показательно при этом, что **kohmu** и его производные **kohmukko kohmulikko, kohmikko kohmeikko, kohmelikko, kohmisto, kohnukko, kohnikko** обозначают труднопроходимое болотистое место: *Kohmulla on paha ajaa hevosella* – по месиву сложно ехать верхом. В этом контексте уместно отметить и у **hapera** значение 'водянистый, заболоченный луг, в котором вязнут ноги при ходьбе'. Видимо, здесь для развития семантики глупости в очередной раз актуализируется коннотация «движение, преодолевающее сопротивление», которая срабатывает и при образовании значения 'дурак' у слов, первоначально обозначающих слишком рыхлый, мягкий или, наоборот, липкий снег и как следствие –

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Логинава Елизавета Валерьевна

аспирант кафедры финского языка и литературы факультета прибалтийско-финской филологии и культуры Петрозаводский государственный университет ул. Правды, д. 1, г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия, 185003 эл. почта: sormukset@mail.ru тел.: (8142) 574947, 89535262896

затрудненное движение. Предложенный фрейм мог породить ассоциацию с тугодумом, для обучения которого требуется преодолеть значительное сопротивление.

Литература

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. М.: Индрик, 2007. 599 с.

Берестнев Г. И. Семантика русского языка в когнитивном аспекте. Калининград: изд-во КГУ, 2002. 156 с.

Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин: формула и обряд // Малые формы фольклора: Сборник статей памяти Г. Л. Пермякова. М., 1995. С. 166–197.

Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург: изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. 280 с.

Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1988. 176 с.

Nykysuomen sanakirja. Osat 1–3. Helsinki, 1983. (В тексте – NS).

Ruppila V. Vajaaälyisen kuvaannollisia nimityksiä // *Virittäjä*. 1955. S. 150–170.

Suomen murteiden sanakirja. Osat 1–7. Helsinki, 1985–2003. (В тексте – SMS).

Loginova, Elizaveta

Postgraduate student
Department of Finnish Language and Literature, Petrozavodsk State University
Pravdy 1, Petrozavodsk, 185003, Karelia, Russia
e-mail: sormukset@mail.ru
tel.: (8142) 574947, 89535262896